

Михаил Люстров. Придворная карьера барона Шредера: шведские фантазии и российская реальность	297
Алексей Балакин. Гончаров и семья Ординых (новые материалы)	306
Кирилл Зубков. «Обломовщина»: рецепция романа и история слова	318
Мария Куриленко. «Дон Жуан в Египте» Н. С. Гумилева: комментарий к пьесе	341
Александр Кобринский. Александр Туфанов в издательстве «Прибой»: заметки к биографии	349
Юлия Козицкая. «Казахский Маяковский» Сабит Муканов: комментарий к одному стихотворению	363
Анна Рассадина. «Про дурачка» Егора Летова: мотивный анализ синтетического текста	376
Указатель имен	387
Указатель статей, опубликованных в журнале «Летняя школа по русской литературе» в 2017 году	401

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

2017 XIII (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2017 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

Сдано в печать 22 января 2018 года

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2017

© «Летняя школа по русской литературе», 2017

Информация об авторах

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Кирилл Зубков, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета; младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
k_zubkov@inbox.ru

Мария Куриленко, магистрант Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия
mashatext@yandex.ru

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
444-44-4@list.ru

Юлия Козицкая, аспирант национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
julia.murafa@gmail.com

Анна Рассадина, магистрант Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия
annetrassadina13@mail.ru

МАРИЯ КУРИЛЕНКО
(Пермь)

«ДОН ЖУАН В ЕГИПТЕ» Н. С. ГУМИЛЕВА *Комментарий к пьесе*

Статья посвящена драматургии Н. Гумилева, в частности, пьесе «Дон Жуан в Египте». Поднимается проблема прототипов; раскрываются концепты Египта и Америки, являющиеся центральными в произведении.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, пьеса, комментарий, проблема прототипов.

The article is devoted to drama N. Gumilev, in particular, the play «Don Juan in Egypt». Raises the problem of prototypes of the characters of the play. Reveals the concepts of Egypt and America, which are Central in the play.

Keywords: N. S. Gumilev, play, commentary, problem of prototypes.

Непреодолимый научный и общественный интерес к культуре, литературе Серебряного века, творчеству отдельных художников открывает нам ранее малоизвестные, по разным причинам почти забытые явления искусства. К их числу относится драматургия Н. С. Гумилева. Опубликованная в 1990 году отдельной книгой,¹ она открыла современному читателю знаменитого поэта с новой стороны. В числе текстов, входящих в состав сборника, наиболее интригует «Дон Жуан в Египте»: в пьесе интерпретация вечной темы связана с взаимоотношениями трех поэтов; здесь сталкиваются научные интересы, типы мироощущений, взаимный интерес и сотрудничество литераторов, дружба и любовное соперничество. Все это облечено в шутливо-пародийную форму, изящно воплощающую популярные в Серебряном веке мотивы донжуанства и путешествия в Египет.

¹ *Гумилев Н. С.* Драматические произведения. Переводы. Статьи. Л., 1990. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.

Комментарий Д. И. Золотницкого (с. 16–18), сопровождающий публикацию пьесы, содержит живой и обширный материал о ней. Золотницкий пишет об акмеистическом мировоззрении Гумилева, а феномен драматургии раскрывает через концепт «театр поэта», ибо Гумилев, по воспоминаниям Веры Неведомской, всерьез занимался созданием своего театра.¹ Там же М. Д. Эльзон впервые говорит о прототипах персонажей пьесы. Об этом Эльзон узнал из личной беседы с Л. Н. Гумилевым. В то же время приведенная в книге информация явно не исчерпывает богатый историко-культурный контекст произведения.

В своей работе мы предпринимаем попытку дополнить имеющийся комментарий к пьесе «Дон Жуан в Египте».

Читателям сборника «Чужое небо», вышедшего в 1912 году, затем зрителям петербургского Троицкого театра миниатюр была представлена индивидуальная версия вечного образа, весьма популярного в русской культуре Серебряного века. Как и в ранее написанных сонете «Дон Жуан» (1910), стихотворении «Он поклялся в строгом храме...» (1910), севильский соблазнитель Гумилева обаятелен, ловок и остроумен. Он — идеалист, мечтатель, верит в высшие силы и торжество справедливости и, конечно, отважно может пожертвовать своей жизнью ради любви.

Обращаясь к названию пьесы, мы можем доказательно говорить о наличии культурного кода Египта в тексте. Египет в восприятии литераторов Серебряного века амбивалентен: культ земного и телесного, смерти и бессмертия соединяется с полной свободой для мистификации. В текстах Серебряного века (например, «Край Озириса», «Сфинкс», «Египет» К. Д. Бальмонта, «Нильская долина», «Рамзес» А. А. Блока, «Бегство в Египет» И. А. Бунина, «Феникс» А. Белого и др.) мы видим Египет как страну, полную тайн и загадок. По словам Л. Г. Пановой, русские поэты буквально сделали Египет неотъемлемой частью себя, осмысливая далекий мир в личностных категориях: «я и Египет», «я в Египте», «мой

¹ *Неведомская В.* Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой // *Николай Гумилев в воспоминаниях современников* / Под ред. В. Крейда. Париж; Нью-Йорк; Дюссельдорф, 1989. С. 154–158.

Египет», «египетские герои с проекцией на меня».¹ Гумилев сумел сказать в этом разноголосом хоре свое, не похожее на других слово.

Интересным является тот факт, что первый монолог Дон Жуана — пародия на известную поэму В. С. Соловьева «Три свиданья». Т. И. Акимова в диссертации пишет об осмеивании трансцендентных устремлений автора и акмеистическом прославлении таких земных ценностей, как гедонизм и вечное возвращение.²

Возвращаясь к концепту Египта, обратимся к исследуемому тексту. С одной стороны, Египет в пьесе — это туристический объект, что подчеркивается и местом действия, и костюмами героев; нечто экзотическое. С другой стороны, в речах персонажей упоминаются события истории Египта. И Египет можно трактовать как место, ключевое для мировой истории, цивилизации. Сам факт появления Дон Жуана из Преисподней акцентирует очень популярную в начале XX века тематику оккультизма. А Гумилев, со слов современников и близких друзей был в некотором роде связан с оккультными практиками. Об этом подробнее пишет Н. А. Богомолов в своей работе «Гумилев и оккультизм».³

Пьеса «Дон Жуан в Египте» была создана в результате переложения вечного образа мировой драматургии на достаточно «бытовую» основу. Узкий круг петербургской богемы (можем предположить, что М. Кузьмин, О. Судейкина, М. Л. Лозинский, К. Чуковский и проч.) узнавал в «воскресшем» Дон Жуане Николая Гумилева, только что вернувшегося из путешествия по Африке в 1910–1911 годах, в Американке — Анну Ахматову, в «египтологе», бывшем слуге, ныне профессоре и декане Лепорелло — Владимира Шилейко (второго мужа Ахматовой).

¹ *Панова Л. Г.* Русский Египет: Александрийская поэтика Михаила Кузмина. М., 2006. С. 120–125.

² *Акимова Т. И.* Драматургия Н. С. Гумилева в контексте культуры Серебряного века: Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2003. С. 74.

³ *Богомолов Н. А.* Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 2000. С. 113–144.

Впервые о Гумилеве и Шилейко как прототипах заговорил Лев Гумилев в личной беседе с Эльзоном. Учитывая этот факт, мы можем предположить, что в пьесе «Дон Жуан в Египте» отразились и история неразделенной любви Шилейко к Анне Ахматовой, разность взглядов поэтов-переводчиков на отношение к древности, воспринимаемой как предмет академического исследования и как живая традиция. Гумилев и Шилейко профессионально занимались поэзией, переводами, изучали Восток и Африку, и были оба влюблены в Ахматову. Спустя шесть лет после написания пьесы Гумилева и Шилейко сближит совместная работа над переводом «Эпоса о Гильгамеше».

Отсутствие других упоминаний пьесы «Дон Жуан в Египте» или воспоминаний о ней наталкивает на сомнения по поводу суждения Льва Гумилева. Сложно поспорить, что Дон Жуан — это Николай Гумилев. Он был героем многочисленных романов, посвящал свои стихотворения (и даже сборники) различным женщинам, в сознании современников был донжуаном, эстетом, ценителем красоты, воплощением мужской элегантности. Николай Оцуп вспоминал: «Теперь нашли бы у Гумилева фрейдовский комплекс: считая себя уродом, он тем более старался прослыть Дон-Жуаном, бравировал, преувеличивал. Позерство, идея, будто поэт лучше всех других мужчин для сердца женщин, идея романтически-привлекательная, но опасная, — вот черты, от которых Гумилев до конца дней своих не избавился».¹ Гумилева можно назвать «интеллектуальным» Дон Жуаном. Его утонченная, но величественная и нередко надменная натура очень привлекала и пленяла многих. И, конечно, это не могло не проявиться в главном герое пьесы.

Сомнения возникают в связи с героями, прототипами которых стали Шилейко и Ахматова. В 1911 году Шилейко еще только начинает ухаживать за Ахматовой, а с гумилевским «кружком изучения поэтов» Шилейко сближается лишь к осени 1912 года. В пьесе Дон Жуан шутливо пророчит сопернику не очень радостные перспективы в любви. Во время написания произведения, как известно, Шилейко еще

¹ Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 184.

не был никаким профессором. Но, должно полагать, Гумилев, видя, как двадцатилетний начинающий ученый упорно трудится над своими работами, предвещает ему именно такое будущее. В финале рассказа о своем жизненном пути Лепорелло заявляет: «Я, господа, египтолог, / Известнейший во всей Европе» (с. 43). Чтобы обосновать эту характеристику Лепорелло, напомним, что Владимир Шилейко был и египтологом, и ассириологом, и шумерологом.

Очень сложно сказать, является ли прототипом Ахматовой Американка. Подтверждений этому в тексте найти не удалось. Здесь Гумилев вслед за многими писателями Серебряного века вводит в свой текст дискурс Америки. Новый Свет, новая цивилизация, новая культура противопоставлена Старому Свету, Древнему Египту. Представителями Нового Света являются два героя пьесы — мисс и мистер Покэр, Американка и Американец (у них нет имен). О столкновении двух цивилизаций в пьесе Гумилева писал О. А. Лекманов.¹ Американцы со своей тягой к путешествиям (вспомним «Господина из Сан-Франциско»), невежеством, некоторой дикостью и провинциальностью казались варварами представителям Старого Света, европейцам. Говоря о провинциальности американцев, подчеркнем важную характеристику мистера Покэра: он очень успешный торговец свиньями в Чикаго. Американку, «грации пример», влечет неповторимый романтизм Европы, воплощением которого является Дон Жуан, быстро очаровавший юную мисс Покэр.

Теперь обратимся к основным мотивам пьесы. Типичную пару «слуги и господина» (Дон Жуан и Лепорелло) Гумилев представляет антагонистами. Доказательством этого в тексте становится мотив противостояния: зрячий — слепой (глаза Дон Жуана раскрываются шире после выхода из Преисподней, а Лепорелло ослеп от пыли диссертаций), холод и огонь, скучный ученый и странствующий романтик.

В связи с этим следует сказать и о мотиве превосходства героя над соперником, причем прежде всего превосходства мужского, но в то же время и морального, интеллектуального.

¹ Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 71–72.

Это может быть прочитано и как проявление чисто гумилевского «акме», например, при встрече хозяина и слуги после разлуки: «Ле порелло (обнимая его, громко.) Ах, друг мой! Дон Жуан: Прочь, невежа!» (с. 41). Это вполне оправданное высокомерие Дон Жуана по отношению к человеку другого круга было и в Гумилеве, славившемся пренебрежением к соперникам на любовном фронте.

Важно сделать акцент на первом появлении Лепорелло: «Входит Лепорелло, в costume туриста» (с. 41). Турист — это не ученый, это потребитель, поглощающий готовую информацию; портрет имеет отчетливо сниженную оценку. Вспоминая о Дон Жуане, Лепорелло говорит: «Я был его секретарем» (с. 42). Не слугой, как в других историях о великом соблазнителе, а секретарем — бумажным червем, имеющим дело не с живой жизнью, а с документами. Автор показывает нам, что Лепорелло не только сословно не равен аристократу Дон Жуану, он «не живой», не деятель. И жизнь Лепорелло после исчезновения Дон Жуана, низвергнутого в бездну, проходит среди бумаг, без общения с людьми, без движения.

Дон Жуан, напротив, воплощенная жизнь. Его отличает яркость выражения любовных порывов, чувственно описанные, реальные, конкретные образы, напоминающие о мотивах лирики Гумилева: «Я Вас люблю! Уйдем! Уйдем! / Вы знаете ль, как пахнут розы, / Когда их нюхают вдвоем / И в небесах звенят стрекозы» (с. 49).

Дон Жуан в пьесе меняет свои роли: он то путешественник, то артист, то поэт, то хозяин, то неудержимый романтик и обольститель. Остальные персонажи не проявили себя так разносторонне: в Американке отсутствует яркая индивидуальность, мисс Покэр является только объектом, на который направлена любовь Дон Жуана и, соответственно, слушательницей его любовных речей. А Американец произносит лишь несколько фраз.

В тексте пьесы находим и мотив путешествия. Все начинается с возвращения Дон Жуана из ада, которое становится очередным этапом вечного странствия великого любовника. Выйдя из расщелины, он рассказывает о своих фантастических путешествиях под землей: «С большой усмешкой, с томным взором, / Я подниматься стал со дна / По лестницам

и коридорам» (с. 40). Подытоживают первый монолог слова с семантикой движения, шествия: «...прав был древний шарлатан, / Сказавший: Знай, иди и выйдешь! <...> Теперь на волю!» (с. 40). И тут Дон Жуан видит «парус чьей-то лодки» (как известно, морские мотивы были одними из центральных в лирике Гумилева) — знак обретенной свободы и начала нового приключения, героиней которого станет Американка. Неслучайна ее однажды названная фамилия — Покэр (покер — азартная карточная игра). Здесь видны переключки с другой пьесой Гумилева — «Игра». Юная американка сродни Дон Жуану, потому так стремительно откликается на его любовный порыв.

Можно сказать, что пьеса «Дон Жуан в Египте» стала выражением позиции Гумилева в полемике по всегда актуальному вопросу: литература и «живая» жизнь.

Рассматривая различные образы, Дон Жуана и египетские мотивы в культуре Серебряного века, приходим к выводу, что пьеса Гумилева — актуализация в русской культуре рубежа XIX–XX веков ранее редких мотивов: «египетского», шире — «африканского». Вошедшие в моду, они присутствуют в искусстве чаще как экзотика, архаика, средоточие древних языческих культов. Исследователь Африки, неоднократно лично побывавший в Египте, знаток и практик оккультизма, Гумилев, иронизируя над массовыми представлениями о далеком мире, показывает Египет как достопримечательность с комментарием скучного гида, а вместилище тайн — пирамиду — как банальный выход для неунывающего героя.

Отсутствие трагедийной ноты, мажорная тональность, авторская ирония позволяют определить жанр пьесы как «маленькую комедию», в которой Гумилев искусно совмещает и прозаическое, и лирическое, и комическое. Сказалось и мастерство владения словом, опыт поэта: четырехстопный ямб и перекрестная рифма создают в пьесе живой разговор, облеченный в рифмы, что усиливает комический эффект.

Пьеса «Дон Жуан в Египте» представляет собой одно из «высказываний» в дискуссии о «новой драме», которая охватила культурную Россию в начале двадцатого столетия. На требование времени — создавать неординарные формы

театрального искусства — Гумилев ответил произведением, в котором соединены мировая легенда и современная акмеистическая идеология, лирический пафос и драматическая структура. Так, миниатюра о Дон Жуане — драматургический манифест нового течения, попытка разыграть в лицах и драматических ситуациях процесс «преодоления символизма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Акимова Т. И.* Драматургия Н. С. Гумилева в контексте культуры Серебряного века: Дисс. ... канд. филол. наук. Саранск, 2003.
2. *Богомолов Н. А.* Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 2000. С. 113–144.
3. *Гумилев Н. С.* Драматические произведения. Переводы. Статьи. Л., 1990.
4. *Золотницкий Д. И.* Театр поэта // Гумилев Н. С. Драматические произведения. Переводы. Статьи. Л., 1990. С. 3–38.
5. *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000.
6. *Неведомская В.* Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Под ред. В. Крейда. Париж; Нью-Йорк; Дюссельдорф, 1989. С. 151–160.
7. *Панова Л. Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. М., 2006.